

РАИСА БОРОВИКОВА

МЕТЕОРИТНОЕ ЖЕЛЕЗО

РАССКАЗ

До сегодняшнего утра, а это был восьмой час одной из августовских пятниц, Ольга Петровна считала себя женщиной довольно-таки преданной одному-единственному мужчине — своему мужу. И сейчас, запихивая продукты — многочисленные свертки, пакеты, банки — в дорожную сумку, не без злорадства (жаль только, что муж не может проникнуть в ее мысли) рассуждала: “А почему я думаю, что все случится именно сегодня, если оно уже произошло значительно раньше. Ну, конечно же, еще тогда, в ноябре, в прошлом году, в поликлинике...”

Место, откровенно говоря, совсем не предназначенное для деликатных знакомств, но ей вышло встретиться с Павлом Николаевичем именно там, в коридоре у двери в кабинет, куда она пришла на прием к невропатологу. Стояла у стены, морщилась от боли, потом, прихрамывая, прохаживалась вдоль коридора, и он, наблюдая за ней, несколько раз порывался встать.

— Да сядьте же вы наконец! Не проще ли было обратиться в “скорую помощь”, чем ожидать приема здесь?

— А какое вам дело, что мне проще, а что не проще?

— Логично, не мое дело. — И, сделав паузу, спросил: — Радикулит?

В больницах и поликлиниках есть только одна категория людей: больные, с той только разницей, насколько больны, поэтому, не смутившись, она ответила:

БОРОВИКОВА Раиса Андреевна родилась в 1947 г. в д. Пешки Берёзовского района Брестской области. Окончила Литературный институт имени М. Горького (Москва). Поэт, прозаик, переводчик, публицист. Секретарь правления Союза писателей Беларуси. Автор многих книг поэзии и прозы. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь, Литературной премии имени А. Кулешова и премии Федерации профсоюзов. Главный редактор журнала “Маладосць”. Живёт в Минске.

— Грыжа позвонковая. Частник не помог.

Девушка, что сидела рядом с Павлом Николаевичем, поднялась, отошла подальше от них, к окну, и Ольга Петровна села на ее место. Он повернулся к ней, невзначай коснулся плечом ее плеча, и в глазах Ольги Петровны на мгновение застыло смутление. Если бы ей теперь было не сорок девять, а семнадцать лет, она, не исключено, зарумянилась бы.

— Смотри какой частник, — тем временем говорил Павел Николаевич. — Могу дать телефончик одного моего знакомого доктора, сделает пять-шесть инъекций... Мне помогло, думаю, и вам поможет. Если хотите, вот моя визитка. Вечером позвоните, отыщу в записных книжках нужный номер.

Она позвонила вечером. И хотя услугами того доктора так и не воспользовалась, это случайное знакомство с Павлом Николаевичем переросло в отношении затянувшегося флирта, наверное, так сказала бы кокетка. Но Ольга Петровна не была кокеткой. Ей хотелось глубокого чувства, сладкого пьянящего дурмана, пылкости, трепета, что пока в ней только тлело. Но тлело настойчиво и неотступно. И когда после стипендии дочь попросила у нее денег на обед, объяснив, что все до рубля отдала за итальянский лифчик, который вчера приобрела в “Бюстье”, она тут же поинтересовалась, где находится тот магазинчик.

Последнее время Ольга Петровна, кроме итальянского нижнего белья, никакого другого уже для себя и не представляла. В мыслях она все чаще и чаще приближала тот момент, когда Павел Николаевич наконец решится и, чего уж наверняка давно не делал с женой, начнет расстегивать на ней какие-то кнопки, пуговики, крючочки...

Сумка уже была полная, а Ольга Петровна все еще стояла у холодильника и что-то запикивала и запикивала в нее. Оторвалась от этого занятия только тогда, когда в кухню заглянула дочь.

— Ого! — Она попробовала поднять сумку. — И ты это все потянешь на электричке? Я даже на вокзал не смогу тебя подбросить. Вчера поставила машину в гараж к Вадиду, а Вадик появится в городе только к обеду. Куда-то уехал.

— Не объясняй так долго. Я же не прошу, чтобы ты подвезла меня к вокзалу. И вообще, Катенька, сделай одолжение, пойди к себе, не то я еще что-нибудь забуду.

Ольга Петровна действительно боялась что-нибудь забыть. Тот столик на двоих, который она хотела накрыть сегодняшним вечером, должен быть безукоризненным во всех отношениях. Но об этом не расскажешь дочери, пусть себе и взрослой, как и о том, что вчера она позвонила Павлу Николаевичу и пригласила его к себе на усадьбу, в тот райский уголок, как когда-то шутливо называли они с мужем тридцать соток земли с обычной крестьянской хатой, которые приобрели три года назад в небольшой деревеньке, — с десятков хат, не более.

— Гм-м, очень даже заманчиво. — Павел Николаевич что-то в мыслях прикидывал, это она чувствовала по голосу, уже научившись разбираться в его оттенках. — Так, говоришь, километров шестьдесят от Минска? Буду стараться... Правда, загвоздка одна есть, бензин где-то просачивается, нужно будет на СТО заехать. Если зацепил где-то бак, придется заваривать. Сама понимаешь, пока его снимут, просушат... Хорошо, — наконец сказал он, — говори конкретно, куда я должен ехать?

И они договорились, что в девять вечера она будет ждать его на повороте дороги, которая вела к деревне, откуда они уже вместе подъедут к усадьбе, чтобы ему не пришлось искать хату и ни у кого ничего не расспрашивать...

Все! Кажется, сумка упакована! Ольга Петровна решительно подняла ее, и, когда уже была готова покинуть квартиру, из своей комнаты вышел ее муж, спросил:

— Уже едешь?

Ольга Петровна молча кивнула головой.

— Завидую тебе. Я, возможно, тоже поехал бы, но у нас сегодня... Вечера иду, а в холле опять черная рамка...

Она поставила сумку на пол, поинтересовалась:

— И кто же на этот раз у вас помер?

— Кулеш! Ты же знала его. Хотя и давно разбежались мы в разные стороны, а на похороны идти нужно. Двенадцать лет в одном бюро отсидели. И во-от как оно! Конец всегда непредсказуем. Был человек — и нет человека. Помню, тогда, в начале девяностых, он будто с цепи сорвался. Бизнес! Бизнес!

— Ты говорил, у него все хорошо складывается.

— Складывалось! Вначале. А потом оказалось, что не в тот вагон сел. Нужно было в плацкартном ехать и ехать, а ему в мягкий захотелось. Пока едешь в своем — все в норме, а как только пересаживаешься, тут и начинается... Но хватит о Кулеше, земля ему пухом. Ты вот что... Будешь в воскресенье возвращаться, позакрывай все хорошо и грыжу свою не надрывай. Огород — огородом, сотки — сотками, но помни: они — не твой вагон...

Он любил поучать, и она позволяла ему это делать, хотя в конце концов все устраивала по-своему. И уже где-то через час, когда за окнами электрички мелькали леса, деревеньки, картофельные поля да острова уже вызревшей ржи, в мыслях вернулась к этому разговору. А в каком вагоне теперь они? Но имела в виду не плацкартный и не мягкий, в их жизни был и тот, и другой, а совсем иное. В каком бы вагоне им ни случилось ехать, они всегда были вместе. Их места были рядом — локоть к локтю... Но в жизни нет ничего вечного. Эта истина только подтвердилась тем ранним вечером два года назад, когда они сели за праздничный стол, чтобы отметить первую публикацию дочери в студенческой газете “Молодой журналист”. Дочь вскоре оставила их, поехала показать публикацию подруге, а они включили телевизор... Потом он подсел к ней, обнял за плечи, что, как выяснилось через минуту, было исключительно иезуитским жестом, и сказал:

— Знаешь, Олечка, а у нас с тобой проблемы!

— У тебя что-то случилось на работе? — забеспокоилась она.

— Да нет. — Он принялся крутить в руках вилку, будто ему вдруг захотелось что-то проткнуть. — Все гораздо сложнее. Понимаешь... Прости и не задавай никаких вопросов. Девушка, Леночка, практикантка наша, забеременела, — и он забарабанил вилкой по столу.

Она насторожилась и как будто услышала не свой, а чужой голос:

— Хм-м, Америку мне открыл! Они теперь ранние и беременеют, как кошки!

— Олечка, ты не так поняла. Леночка забеременела от меня. Третий месяц, и я не могу ее бросить. Возможно, она родит. Вы уж тут с Катериной без меня... Я регулярно буду приносить деньги.

Он произносил все это без запинки, как актер, который вышел на сцену своего сотового спектакля, а у нее удушающий ком перехватывал дыхание. И все же она смогла произнести:

— Ты из-за этого вилкой начал стучать? Шумовое оформление! И сколько же практикантке Леночке лет?

— Двадцать два. Она только на год старше нашей Кати.

— Ну и когда же ты нас с Катей покинешь?

— Сегодня. — И тут его подвел голос. Он закашлялся, отодвинулся от нее, опустил голову. — Прости, Ольга. Ты пока не будешь приезжать на усадьбу, а-а? Мы с Леночкой с... С месяц проживем там, пока практика не закончится. Она потом поедет к родителям в Витебск. А я... Я тут что-то подыщу. Думаю, снять квартиру проблемы не будет.

У нее самым натуральным образом задрожали руки, и, чтобы не показать этого, она сжала пальцы в кулаки, и какая-то сила подняла ее с кресла. Она стояла перед ним со сжатыми кулаками, и он понял это по-своему.

— Ты что, Ольга? Приди в себя, мы же интеллигентные люди...

— Пошел ты! — Она уже не в силах была сдерживать слезы и выбежала в спальню.

Через полтора месяца муж вернулся. Леночкины родители вмешались в их отношения и с последнего университетского курса перевели дочь на учебу в Витебск. А Ольга Петровна за это время из трепетной, солнечно-улыб-

чивой, доброжелательной женщины превратилась в строгую матрону, которая гневным взглядом сверлила каждую молоденькую девушку, будто она была не матерью взрослой дочери, а старой девой. К возвращению мужа она отнеслась с полным безразличием. Он волновался и, видно, заранее подготовил целую тираду:

— Олечка, ты можешь не прощать меня, но понять-то должна! Будем считать это... Ну... Все, что произошло... Временным разладом. Ты же посмотри... Народы конфликтуют, нация с нацией ужиться не могут, а мы... Мы, утомленные, взвинченные, угнетенные этим земным хаосом! Мы только две песчинки во вселенском масштабе. Прости за выражение, я, видно, должен говорить проще. Ну, давай, давай... Сорви на мне обиду, возьми и влечи мне в харю, я стерплю... Я даже очень хочу этого!

Она как-то непривычно странно, по-новому для него улыбнулась и сказала:

— Васенька, ты же не выписывался из квартиры. Живи. Но никакой общей спальни. Я себе диван купила, сплю в гостиной.

Для чужого глаза ничего в их жизни не изменилось. Они вместе сидели за семейный обеденный стол, случалось, вместе что-то покупали, и все же жили скорее как соседи. Даже на усадьбу выезжали порознь. Он — в одни выходные дни, она — в другие. Сейчас была ее очередь, и, сойдя с электрички, Ольга Петровна беспокоилась: хоть бы в хате не было беспорядка! Муж провел на усадьбе прошлые выходные дни и обычно оставлял после себя горы разбросанного по углам хлама. Сумка была непомерно тяжелая, а тащить нужно километра два. Проще было взять частника-таксиста, что она и сделала. И, как только поднялась на крыльцо хаты, мгновенно забыла обо всех жизненных неурядицах: о муже, о практикантке Леночке, о своей городской квартире — в райском уголке о земном не думают. Вот только Павел Николаевич... “Понравится ли ему здесь? — думала она. — Сад не может не понравиться, газоны с клумбами и клумбочками, которые, благодаря Васиным стараниям, всегда аккуратно выкошены”.

Ольга Петровна доставала из сумки пакеты и баночки, укладывала их в холодильник и невольно радовалась: “Паша любит паштет из телячьей печеночки, и вот он как раз здесь! И салат с черносливом приготовлен, и баранина на косточке! Боже, а где маслины? Забыла! Не-ет, вот они. А тут что у нас? Ага-а, палтус, запеченный в тесте. А это — морсик!..” Она восторгалась своими кулинарными способностями, представляла Павла Николаевича и время от времени поглядывала на настенные часы. Ей казалось, что стрелки уж больно медленно двигаются. Потом, когда все продукты были сложены в холодильник, Ольга Петровна обошла все четыре комнаты, собирая разбросанные мужем вещи: старые брюки на диване, из которых сыпалась сухая газонная трава, рубашки, измазанные глиной и цементом, свитер, плащ-дождевик на спинке стула, шорты, майки... И когда уже собралась целая охапка, она решила, что до поры до времени все это нужно убрать в старый сундук, что стоял в клету. Он им достался в наследство от бывших хозяев, навсегда уехавших в город.

Пошла в клетку, подняла крышку, швырнула туда всю одежду и увидела растерзанный сверток, который то ли забыли, то ли просто оставили прежние хозяева. Нужно бы его давно выбросить, но муж не позволил, мол, зачем выбрасывать пусть и чужую, но жизнь. В том свертке действительно была упакована целая жизнь, и, может, даже не одного поколения: письма, открытки, фотографии, телеграммы, разные квитанции, справки... Все это было расколошмачено, разбросано.

“Видно, мыши где-то прогрызли в сундуке дырку, — подумалось ей. — Они уже чувствуют близкую осень, убегают с полей к человеческому жилью. А может, даже крысы?” И Ольга Петровна, отбросив крышку к стене, начала собирать разбросанные бумаги. Взгляд задержался на пожелтевшем листе, который уже кое-где тронуло тление. А вот еще один, такой же. Взяла в руки бумагу, подошла к небольшому окну...

Почерк был мелкий-мелкий, как бисер, да еще и с загогулинами на отдельных буквах, но чернила не поблекли.

Цифры прочитала сразу же, они были крупные, по центру листа: 1841 от Рождества Христова. И ниже, более мелко, но не бисерно: протоиерей Никодим, раб Божий. И еще ниже: Свято-Покровская церковь милостью Божией... Далее строчки были где стертые, где размыты, сохранились только отдельные буквы. Глаза уже привыкли к ним, и на обратной стороне листа она кое-что смогла прочесть, додумывая неразборчивые слова.

“3.3. Из местечка вернулся диакон Осип. Привез два посеребренных каддила и сорок свечей. По моим подсчетам, свечей должно было быть шестьдесят две. Но как могу подумать неблагопристойное о диаконе, если Святым Днем его пожертвование было наибольшим.

15.3. Из Дубенцов привезли крестить дитя. Девочку. Записал, как и надлежало в этот день, именем святой Евфалии. И крестная сделала большие глаза, спросила: “Как же нам теперь называть ее, батюшка? Разве что Фанею?”

19.3. Приходила на исповедь молодая пани из панского имения. Ее глаза — находка для богомаза. Но молодой пан не видит ее глаз. Он видит только ее правую ногу. Хромую. Так же, как видел те сто сорок десятин земли, которые дали за ней. А еще пан видит грудастую Зоньку, что при хлевах у них. У Зоньки легкая рука. Она принимает отелы и первотелок. Пани плакала: у пана воняет сюртук хлевом и, наверное, пусть не слышат меня ангелы, Зонькою. Прости, сто раз прости, Отец наш Всевышний, что доверяю чужую исповедь бумаге.

23.3. Местные люди говорят, что кара небесная низринулась, а на деле — природное явление. Вчера после утренней службы, когда прихожане покидали храм Божий, с неба упал метеорит. Размерами небольшой, но беды наделал много. Сгорели хлевы панские, он как раз туда угодил, и много пристроек к дому панскому. А сам дом уцелел, только одна колонна треснула. Взрыв большой был, много соломенных крыш вокруг разметало. А в саду панском деревья из земли повыворачивало. Но самое страшное, что в хлевах сгорел молодой пан, а еще конюх панский, и Зонька сгорела — досмотрщица за скотиной панской. И много скота погорело. Теперь на месте одного из хлевов — яма. Посмотреть на нее люди ученые аж из самого Менска приезжают.

26.3. На исповедь приходила молодая пани. Услышанное сильно впечатлило меня. Только в себе ли она? Печаль большая. Веди руку мою, Отче, а когда не желательно Тебе, то останови ее. Молодая пани тем страшным днем стояла у окна, видела, как молодой пан с Зонькою заходили в хлев. Зонька развязывала пояс на юбке, а пан расстегивал сюртук. Тут и скажи молодая пани: “Чтобы на вас камень с неба упал!” И в одно мгновение все так и случилось. Просила она снять грех с души ее, а я считаю, с умом у молодой пани не все в порядке. Большое горе мутит его.

30.3. Отпелал покойника в Рогочах. Приехали за мной на повозке, а лучше бы на лодке приплыли. Паводок большой. От ямы на панском подворье жаром до этого времени отдаст”.

Ольга Петровна услышала, как звякнул засов, заскрипела входная дверь. Она быстренько сунула этот пожелтевший лист бумаги, что трепетал у нее в руках, в сундук, будто ее застали за чем-то нехорошим. Опустила крышку и вышла в сени, где увидела соседку Веру, которая уже открывала дверь в переднюю комнату.

— Петровна, вы что-то сегодня рано? Василий Антонович говорил, что сегодня можете приехать. А у нас тут в среду гроза была. Взглянула я через забор, а у вас помидоры погнуло. Я три кустика перевязала. А может, не нужно было? По чужому огороду ходила.

— Почему же не нужно? Спасибо, Вера. Я вам перец-горошек черный, как и просили, привезла...

Соседка задержалась у нее недолго. И как только она ушла, Ольга Петровна начала делать, как это она называла, обход усадьбы. И по ходу находила себе работу. Пересохшие кустики давно созревшей фасоли связала в пучки и подвесила на солнечной стороне хаты. Убранный лук занесла на чердак, пусть подсыхает... И между этими, такими уже привычными хозяй-

скими хлопотами время от времени заходила в хату, смотрела на часы: “Хоть бы не опоздать!” А время как будто стояло на месте. Но вот наконец можно все отложить на потом: до приезда Павла Николаевича остался один час. Она минут пятнадцать отдала зеркалу. И уже такая, какой он привык ее видеть, вышла за калитку. Решила идти напрямик через картофельное поле, через лог, поросший густым орешником, за которым уже недалеко был и желанный поворот.

Она пришла в назначенное место ровно в девять. Машины пролетали мимо нее одна за другой... Вглядываясь, она выходила на шоссе навстречу им и только тогда, когда рядом остановилась темно-серая “Мазда” и из приоткрытого окна послышалось: “Вам куда? А то еще заночуете здесь!”, она поняла, что Павел Николаевич не приедет. Все вокруг уже окутали густые сумерки, и близкий лог заплыл туманом, но Ольга Петровна пошла прежним путем. “Проклятый бак! Видно, пришлось все-таки его заваривать, — думала она. — Сколько раз говорила Паше, чтобы не связывался лишь бы с кем, обращался только к профессионалам! А он все чтобы подешевле! К халтурщику какому-то поехал. Сколько там нужно того времени бак заварить! Лучше с умелым потерять, чем с бестолковым сэкономить!” — срывала она всю свою горечь на неизвестном автослесаре. В темноте шла наугад и вышла не к своей калитке, а к крайней хате. Обошла ее и оказалась на узкой гравийке... И в то же мгновение сердце ее взлетело куда-то высоко-высоко: возле их усадьбы стояла машина. Но сердце как взлетело, так и опустилось. Ольга Петровна узнала свою машину. В окнах хаты горел свет. И когда она вошла, увидела за столом дочку. Катя намазывала на булку паштет... Муж стоял у раскрытого холодильника, будто прикидывал, чтобы ему такое достать оттуда.

— Ты у соседней была? — спросила дочка. — А мы тут уже минут пятнадцать. Паштет у тебя вкусный получился. Что на тебя нашло, ма-а? Такой вкуснятины наготовила!

— Это, Катерина, интуиция маму вела, — отозвался муж, захлопывая холодильник. — Она думала, что едет на усадьбу одна, а подсознательно чувствовала, что мы двинемся следом... Вот и наготовила всего. Интуитивно! Даже на грыжу свою махнула рукой, такую сумку тянула.

Ольга Петровна сухо улыбнулась:

— И чего же это вы двинулись следом? Что случилось?

Муж сел за стол рядом с дочкой, отломил кусочек булки, намазал паштетом...

— Понимаешь, страшная штука похороны. В голову всякие мысли полезли о тленности человеческого бытия и все такое... Я даже на поминальный стол не остался. — Откусил булку, пожевал. — Жена Кулеша, точнее, уже вдова, сознание теряла. Хотя, в принципе, и не жена, и не вдова. Говорили, они давно развелись.

Ольга Петровна опять сухо улыбнулась, подошла к окну, задернула гардину.

— Было очень вкусно. — Дочь поднялась из-за стола. — Мне нужно ехать. Целую всех! Провожать будете?

И когда, проводив дочку, они снова вернулись в хату, Ольга Петровна сразу же сказала:

— Я пойду укладываться. За день утомилась. А ты поужинай, если хочешь. Я не буду.

И, зайдя за перегородку в небольшую комнату, где она обычно спала, начала расстилать постель. Подняла подушку и невольно вздрогнула: на простыне лежали три черных камешка, довольно-таки крупные. Круглые и приплюснутые, словно раздавленные шарики из пластилина. “А это еще что такое?” — подумала она.

— Ольга, слышишь? — подал голос из-за перегородки муж. — Мясо на косточке? Это же не свинина!

— Баранина! — звучно отозвалась она. — На Комаровке купила.

С этими словами Ольга Петровна и вышла к мужу, держа подушку в руках. Он ел. Она помолчала и сказала тихо:

— У меня там камни какие-то под подушкой. Откуда они могли появиться там?

— Э-э, это не камни, Олечка. Это — метеоритное железо. Рассказывают, когда-то здесь метеорит упал. На усадьбе кругляшки эти нашел... Ну и положил под подушки. Три — тебе, три — мне... Как говорится, на счастье. Все-таки с неба. Оттуда, — показал рукой вверх. — Подарок небес...

Она задержала на нем долгий взгляд и, ничего не сказав, пошла за перегородку. Бросила подушку на кровать и легла. За перегородкой хлопала дверка холодильника, звенела посуда, из крана лилась вода... Ольга Петровна проваливалась в сон, такой же беспокойный, как теплая, полная таинственных звуков и шорохов августовская ночь. Правда, еще успела подумать: “Нужно будет завтра же выбросить из-под подушки этот мусор!”

Да, мусор...